

тельной степени из-за своей внешности, в которой повествователь постоянно подчеркивает что-то «бабье», во всех его движениях сквозит заниженная (хоть и умышленно) самооценка, он не вызывает симпатии (сам о себе говорит «буффон»). Наслоение противоречивых впечатлений скрывает от читателя авторскую позицию. Соединение очевидных и неявных черт, противоречащих друг другу, усложняет общую картину внутреннего мира романа.

Помимо экспозиционного портрета, внешний облик Раскольникова дан с точки зрения других персонажей, например Свидригайлова: «Вы выходите из дому — еще держите голову прямо. С двадцати шагов вы ее уже опускаете, руки складываете назад. Вы смотрите и, очевидно, ни перед собою, ни по бокам уже ничего не видите. Наконец начинаете шевелить губами и разговаривать сами с собой, причем иногда вы высвобождаете руку и декламируете...» Это портрет человека, поглощенного собой, своей идеей, находящегося в постоянном споре с самим собой. Ему присуща такая степень нервного раздражения и возбуждения, что он доходит до истерики, которая выражается в смехе или в слезах. Волнение вызывает у него «беспрерывную дрожь во всем теле», заставляет его трепетать, «как лист».

«Поправками» к основному, «полному» портрету, данному в экспозиции, являются короткие замечания повествователя, фиксирующие переходы чувств, мыслей Раскольникова, его реакцию на изменение обстоятельств: «он крепко поморщился», «глядел уже весело... и дружелюбно окинул глазами присутствующих», «он даже побледнел, принимая письмо», «подумал он, странно усмекаясь», «странная улыбка» и т.д.

Как отмечали еще критики — современники Достоевского, характер Раскольникова не меняется на протяжении романа. Но смена выражений его лица предстает как раскрытие глубин этого характера, создает впечатление постоянного движения, динамики.

Эти изменения «лица» являются своеобразным комментарием к событиям, оценкой происходящего. То, что происходит во вне, и то, что говорится вслух, часто не совпадает с тем, что чувствуют, видят, понимают и говорят персонажи «про себя». Динамика изменений «лиц» при этом имеет определенную тенденцию: «телесная» подвижность изображается не как преобразование или обычная смена одного выражения на другое, а как искажение лиц. Смена выражений лица, переход от одного состояния к другому отражают двойственность мироощущения Раскольникова.

Эффект двойственности в романе отмечали многие исследователи: двойственность мотивировки преступления (Гливенко), раздвоение личности Раскольникова (В.Ф. Переверзев, А.Л.Бем), противоречивость поступков второстепенных персонажей (Миколка), В.Шкловский подчеркивал двойственность причин раскаяния Раскольникова. Двойственность впечатления остается у читателей.

Раскольников испытывает в основном негативные, разрушительные эмоции: содрогается от ненависти, злость доводит его до конвульсий и обмороков, от бессилия и злобы он плачет, со злости же он хохочет. Обобщая, можно назвать основные, испытываемые им чувства: мука (вызванная любовью и сочувствием),

ненависть, гордость, презрение, злость. При этом показано странное, но характерное для Раскольникова внешнее проявление этих ощущений — он усмекается, смеется, хохочет.

Смех, хохот — одно из важнейших средств создания психологического и идеологического портрета персонажей, которое использует Достоевский в «Преступлении и наказании». Многозначителен и не прост портрет человека смеющегося.

В мрачном мире «Преступления и наказания» униженные и оскорбленные, убийца и убитая (во сне Раскольникова), следователь и подозреваемый, пьяные и шулер — очень много смеются. В романе Достоевского смех никогда не означает радость, веселье. Он лишен своего основного значения. Смех здесь — это или искаженное гримасой лицо, или невнятный голос, звучащий более или менее громко, или хохочущая толпа. Смех чаще всего неуместен, звучит там, где можно содрогнуться от ужаса. Он всегда двусмыслен. В мире «Преступления и наказания», населенном людьми неустроенными, опустившимися (убийца, блудница, шулер, сводницы, пьяные, сироты), звучащий смех безрадостен, часто — омерзителен. Большею частью это смех «со злости». Участники массовых сцен во сне и наяву имеют как бы одно лицо. Это лицо — искаженная гримаса тяжелого и злобно-го хохота. Автор подчеркивает неадекватность реакции большинства окружающих Раскольникова людей на происходящие события.

Чуждость и враждебность всех и каждого, всеобщее злорадство открыто проявляются в смехе. Вспомним сцену скандала на квартире Мармеладовых: «Протягивались наглые смеющиеся головы с папиросками, с трубками, в ермолках... Особенно потешно смеялись они, когда Мармеладов, таскаемый за волосы, кричал, что это ему в наслаждение».

Смех и ругательства в мире «Преступления и наказания» всегда рядом, перемешаны, являются как бы продолжением одно другого («Раздался смех и даже ругательства»). Все скандалы сопровождаются смехом толпы зевак (во время монолога Мармеладова в трактире, на квартире Мармеладовых, сцена поминок и т.д.).

Смех становится одним из аргументов во внутреннем споре Раскольникова, в его колебаниях «за» и «против» преступления. Злые улыбки, злобный смех, хохот, хихиканье, фырканье усугубляют, подтверждают мысли о безвыходности положения, необходимости попробовать изменить его любым способом. Отсутствие спокойствия, веселья косвенно подтверждает мысль о неизбежности убийства.

В романе нет развернутого портрета смеющегося Раскольникова, но огромен диапазон изображения его улыбок. Каждая улыбка имеет свой смысл: «Раскольников засмеялся, но как-то с натугой», «быстро и коротко усмехнулся», «усмехнулся он едко», «с искривившимися в болезненную улыбку губами»; «тяжелая, железная, злая улыбка змеилась по его губам», «со злобною усмешкою», «ему хотелось смеяться над собой со злости», «он долго думал и наконец опять усмехнулся, но улыбка его была уже кроткая и грустная» и др.

Получив повестку из полиции в день убийства, Раскольников смеется над собой. Надевая и снимая испачканный в крови носок, он «опять рассмеялся» — тому, что пришлось надеть уличающий его в преступлении носок —

другого-то не было. «Смех, впрочем, тотчас же сменился отчаянием», — добавляет повествователь. Резкая смена настроения передает состояние нервного, истеричного напряжения. Раскольников насмеяется над своими нелогичными, растерянными поступками, ошибками, полностью его выдающими и подтверждающими, что он не выдержал «пробы».

Узнав, что его вызвали в полицию по делу, не имеющему отношения к убийству, Раскольников «вздрыгнул от радости». В полиции, слушая ругань поручика, Раскольников почувствовал облегчение: «слушал с удовольствием, так даже, что хотелось хохотать, хохотать, хохотать... Все нервы его так и прыгали». Спрятав добычу, Раскольников думает: «Все кончено! Нет улики!» — и он засмеялся. Да, он помнил потом, что он засмеялся нервным, мелким, неслышным, долгим смехом, и все смеялся, все время как проходил площадь». Но «смех его вдруг прошел». Смех Раскольникова, таким образом, означает напряжение, досаду, злость, разочарование в себе. Читатель «не видит», как смеется персонаж, он знает только причину этого смеха — как правило, негативные, болезненные ощущения.

В то же время в романе дан и полный экспозиционный портрет смеющегося человека. Это портрет следователя. Порфирий «прищурился, подмигнул, что-то веселое и хитрое пробежало по его лицу, морщинки на его лбу разгладились, глазки сузились, черты лица растянулись, и он вдруг залился нервным, продолжительным смехом, волнуясь и колыхаясь всем телом и прямо смотря в глаза Раскольникову». Здесь смех также не является проявлением благодушия. Он используется, скорее, как средство давления на собеседника. Порфирий как будто смеется в глаза над своим гостем, принимающим этот смех с ненавистью. Недаром об этой встрече Раскольников вспоминает, содрогаясь от ужаса, а Порфирий просит его извинить за то, что «поглумился» над студентом.

Смысл смеха персонажи романа осознают в соответствии с их характерами. Так, Разумихин был «необыкновенно веселый и общительный парень, добрый до простоты». С ним Настасья «плутовски усмекается», вдруг «прыснула со смеху», закатывается своим «болезненно-нервическим смехом» (ч. 2, 1). Для прямодушного Разумихина смех — проявление ясного, незамутненного злыми помыслами состояния души. Такое понимание смеха, веселости звучит в его риторическом вопросе о совместимости простодушного смеха с убийством: «Сходится ли подобное душевное настроение, то есть взвизги, хохот, ребяческая драка под воротами, — с топорами, с кровью, с злодейскою хитростью, с грабежом?» Однако для остальных персонажей романа смех означает другое.

Двусмысленность смеха проявляется особенно очевидно в отношениях Раскольникова со следователем, который ведет допрос-беседу, «беспрерывно хихикая от удовольствия». Раскольниковым все больше овладевает раздражение, злоба, он уже не владеет собой и не может не только притворяться, но и выдает себя совершенно; чем больше выдает, тем больше злится, он уже «в крайнем пароксизме бешенства». Порфирий продолжает хихикать, хехекать, смеяться на разные лады. При этом, подчеркивая шуточный характер разговора и как бы не замечая состояния собеседника, при-